Гмыракам, Сцяпонасам Кейрысам, Вацлавам Іваноўскім, Рамуальдам Малецкім, Міхайлам, Стасем. Малецкі рабіў стаўку на тэрор, Алаіза даводзіла, што ў хрысціянскім свеце замах на чалавечае жыццё не вітаецца. Яна разумее, што радыкальныя настроі могуць прывесці да поўнай анархіі, да маральнай дэградацыі грамадства, што за рэвалюцыйнымі заклікамі людзей нярэдка хаваюцца іх карыслівыя мэты. Зямляк Стась, апантаны нянавісцю да людзей, украў старадаўні крыж і слуцкія паясы, каб паздзекавацца з тых, хто стараўся захаваць помнікі культуры; рэвалюцыянер Іосіф Вінклер дзеля ўласнага ўзбагачэння падгаварыў "братоў-апосталаў" забіць знаёмага, які выйграў вялікія грошы. У айчынным грамадска-культурным дыскурсе Алаізу Пашкевіч звычайна рэпрэзентуюць палымянай рэвалюцыянеркай, пясняркай рэвалюцыі 1905 (адзін літаратуразнаўца на пачатку XXI стагоддзя назваў яе нават "жалезнай лэдзі рэвалюцыі"). Пэўныя падставы для такіх дэфініцый былі: другі зборнік пісьменніцы "Хрэст на свабоду" (1906) – свайго роду мастацкі дзённік пачатковага этапу рэвалюцыі 1905 года, сустракаліся ў яе і радыкальныя заявы ("Яшчэ чую голас з неба, // Што цара павесіць трэба"), і шматсэнсавы метафарычны вобраз рэвалюцыі ў вершы "Мора", што большасцю літаратуразнаўцаў яшчэ з савецкіх часоў трактаваўся як апяванне рэвалюцыі, і апавяданне "Прысяга над крывавымі разорамі". У рамане В.Коўтун прысутнічае латэнтная палеміка з агульнапрынятымі ўяўленнямі, яе Цётка прадстае чалавекам, што разумее складанасць і магчымыя наступствы сацыяльных узрушэнняў; асобай, што верыць у сілу асветы і мастацтва, у магчымасць духоўнага адраджэння чалавека. Не выпадкова аўтар рамана абірае ў якасці сюжэтаўтваральнай лінію барацьбы паміж Алаізай Пашкевіч і ротмістрам Вікторам Генісарэцкім за душу Андрэя Гмырака, каханага Алаізы, дзе перамагае ўрэшце моцная духам кволая жанчына. Час напісання рамана актуалізаваў такія паняцці, як "агульначалавечыя каштоўнасці", "гуманізм", "Бог", і гэта адбілася ў мастацкай рэканструкцыі Коўтун вядомай творчай асобы мінулага стагоддзя.

Гераіня В.Коўтун бярэ тэмы твораў з навакольнага жыцця, абапіраецца на вопыт айчыннай і сусветнай класікі: Алаіза добра ведае творчасць Гейнэ, Цютчава, захапляецца Жорж Санд, жывапісам і архітэктурнымі помнікамі часоў Адраджэння, цэніць зробленае Кастусём Каліноўскім, Элізай Ажэшкай і Францішкам Багушэвічам, асабіста ведае многіх сучасных ёй дзеячаў культуры: Элізу Ажэшку, Янку Купалу, братоў Луцкевічаў, Каруся Каганца, Іларыёна Свянціцкага, Івана Франко, Ёнаса Білюнаса, Мікалаюса Чурлёніса. Эстэтычныя пазіцыі Цёткі выяўляюцца ў яе размовах з аднадумцамі па Беларускай Рэвалюцыйнай Грамадзе, з Элізай Ажэшкай, якая абсалютызавала прыцягальную сілу творчасці, з віленскім багамазам і цвінтарным вартаўніком у адной асобе Васілём Гразновым, які пераконваў, што сапраўднае мастацтва павінна быць набліжаным да Бога, касмапалітычным. Цётка не прымае пазіцыі творцаў, што на першае месца ставяць шырокае прызнанне любой цаной, як зямляк Антось Валэйка, што "вырваў з свае душы святы корань бацькаўшчыны" і стаў польскім мастаком Антоніем Валэйко. Для Алаізы творца павінен быць неардынарным, але не дзеля самой неардынарнасці.

Заключэнне. Мастацкая інтэрпрэтацыя асобы Цёткі ў рамане В.Коўтун дэтэрмінавалася аўтарскімі ўяўленнямі пра творчую асобу і гістарычным часам. Алаіза Пашкевіч прадстае як асоба, жанчына, грамадскі дзеяч. Вобраз Цёткі ствараецца праз увядзенне шырокага грамадскага і культурнага кантэксту, праз прыёмы фрагментарнасці аповеду, супастаўлення і проціпастаўлення персанажаў.

Спіс літаратуры

1. Коўтун, В. Крыж міласэрнасці: раман / В. Коўтун. – Мінск: Маст. літ., 1996. – 493 с.

ДЕРИВАЦИОННЫЕ МОДЕЛИ КВАНТИТАТИВНЫХ СУБСТАНТИВОВ В СРАВНЕНИИ С ОНТО- И ФИЛОГЕНЕЗОМ

Е.П. Бобрикова
Витебск, ВГУ имени П.М. Машерова

Актуальность обусловлена малоизученностью квантативных лексем в диахроническом аспекте.

Цель статьи – показать корреляцию между фило- и онтогенезом и семантическим преобразованием квантативных слов.

Репозиторий ВГУ

Материал и методы. Материалом послужили английские лексемы со значением неопределенного количества с интегральной квантативной семой. В ходе исследования методом сплошной выборки было отобрано более 700 слов и была проанализирована их семантическая структура в диахронии с помощью компонентного и дефиниционного анализа.

Результаты и их обсуждение. Есть мнение, что множественность первичней, а выделение единичности из множества – вторично [1, с. 97]. Как известно, общее представление о количестве обычно возникает «после усвоения представлений цвета и формы» [2, с. 93–101]. Еще К. Бюлер отмечал, что психика детей в возрасте около двух лет имеет свойство как «точное впечатление множества» и, не прибегая к счету, ребенок замечает исчезновение 1 или 2 предметов. Это не число в строгом смысле слова, а «совокупность числа» [3]. Развитие ребенка Л.С. Выготский сравнивал с развитием человечества: в раннем онтогенезе человека «происходит его очеловечивание – овладение историческим опытом людей» [4]. Так, подобно детям, первобытные люди воспринимали множество однородных объектов как целое, которое также мыслилось конечным [5]. Позднее развитие представления о количестве как категории подтверждается и исследованиями языков с ограниченными возможностями числовых наименований, что, по мнению А.А. Холодовича, свидетельствует об «отсутствии у этих народов общей идеи числа и наличием только представлений *о сериях и группах определенных множеств*» [6]. В ходе исследования была выявлена семантическая деривация от предметного к абстрактному значению в 78% случаях, что подтверждает выдвинутое Л. Блумфилдом мнение, что «отвлеченные и абстрактные значения развиваются, как правило, из более конкретных» [7, с. 429]. На ранних этапах формирования развития в семантической структуре некоторых лексем отмечалось стремление к синкретизму числа и меры, подобно «точному впечатлению множества» в онтогенезе [3]. Напр., в VII в. лексема *yoke* была зафиксирована в значении с количественным компонентом ‘a **pair** of animals’. Синкретизм дискретного и недискретного наблюдается в семантике лексемы с IX в., ср.: ‘one-fourth of a suling, about 50 or 60 acres’ [8; 9].

Преимущественно большая часть английской лексики с квантитативным значением, включая заимствования до среднеанглийского периода, развивается по модели ‘предметное значение → число\мера → некоторое количество → совокупность\множество’. Напр.: лексема *brace*, семантическая деривация которой выглядит так: ‘arms→ the band with dogs → paired or united animals → paired or united things → a number or pair of people (ironically)’ [8; 9]. В данной модели четко прослеживается предметная парность, начало которой было задано представлением о двух руках, держащих упряжку. Затем значение лексемы эволюционирует к абстрактному выражению парности, не связанному с представлением о конкретных предметах

В эволюции семантики неопределенно-количественных квантитативных лексем наблюдается формирование определенного числового значения в основном под влиянием внеязыковых факторов. Напр.: изначально в древнеанглийском лексема *scores* обозначала ‘метки, насечки на специальной палочке’ и использовалась для упрощенного счета поголовья скота (преимущественно стада овец), затем (XII в.) ‘двадцать’. Развитие семантики данной лексемы происходило по модели: ‘метки → двадцать → перечень, список → вес в 20 фунтов → группа из 20 → неопределенное большое количество’ [8; 9]. Вообще говоря, мезуративы принадлежат языкам для специальных целей, а поскольку термины стремятся минимизировать многозначность [10, с. 64] при выходе из терминологии, некоторые из них вызывают «привычные ассоциации, лежащиеся в основу переносных значений, где начинают выражать оценку неопределенного количества» [11, с. 21]. Напр.: семантическая структура лексемы *acre,* восходящая к протоиндоевропейскому корню **agro* ‘поле’, развивалась по модели ‘надел пахотной земли →определенное количество земли, которое одна упряжка может вспахать за один день → 4840 кв. ярдов, акр → множество\обширное пространство’ [8; 9]. В разговорной речи для эмоционально-оценочного эффекта лексема может использоваться в значении ‘множество\обширное пространство’ с утратой количественного семантического компонента. Вероятно, развитие переносных значений может находиться под воздействием как внутренней формы слова, так и стремлением человека к неточным количественным значениям.

Заимствованные лексемы в среднеанглийский период, как правило, имеют две основные деривационные модели: 1) ‘число или мера → некоторое количество или множество’, напр., лексема *gross* ‘дюжина дюжин, 144’, заимствованная в среднеанглийский период из французского, где обозначала ‘большую дюжину’, со временем стала обозначать неопределенное количество, множество; 2) в случае заимствования уже с неопределенно-количественным значением,

Репозиторий ВГУ

то семантическая структура пополняется значением ‘изобилие’: ‘совокупность, множество → сверх множество’, напр., лексемы *exuberance*, *copiousness*, *superabundance* и многие др. [8; 9].

Заключение. Проследив деривационную активность лексем, обозначающих неопределенное множество, и их семантические преобразования можно отметить сходную эволюцию категории количества как в лексике, так и в фило- и онтогенезе. Исконно английские и некоторые заимствованные в древне- и частично среднеанглийский период слова не сразу обогащают свою семантику количественным (в т.ч. определенно-количественным) значением. С развитием точных наук лексика пополняется мезуративами и другими терминами, однако при выходе из терминологии их семантика стремится сдвинуть доминантную сему с определенно-количественной семы на неопределенно-количественную. Стремление лексем к обозначению ‘множества’ (ср.: «серии и группы множеств»), а также синкретизм числа и меры свидетельствуют о тесной связи языка и мышления, семантических процессов и фило- и онтогенеза.

Список литературы

1. Соколова, М.А. Очерки по исторической грамматике русского языка. – Л., 1962. – 312 с.
2. Швачкин, Н.Х. Экспериментальное изучение ранних обобщений у ребенка // Известия АПН РСФСР, 1954. – Вып. 54. – С. 111–135
3. Бюлер, К. Духовное развитие ребенка / пер. с нем. – М.: Новая Москва, 1924. – 556 с.
4. История развития высших психических функций // Выготский Л.С. Развитие высших психических функций. – М.: Изд-во АПН РСФСР, 1960. – С. 13 – 223.
5. Леви-Брюль, Л. Первобытное мышление / Л. Леви-Брюль // Психология мышления / Ю.Б. Гиппенрейтер; под ред. Ю.Б. Гиппенрейтер, В.В. Петухова. – М: Изд-во МГУ, 1980. – С. 130–140.
6. Холодович, А.А. Категория множества в японском в свете общей теорий множества в языке / А.А. Холодович // Проблемы грамматической теории. – Л.: Наука, 1979. – С. 151–173.
7. Bloomfield, L. Language / L. Bloomfield. – New York: Henry Holt, 1933. – 530 p.
8. Online Etymology Dictionary [Electronic resource] / Douglas Harper. – 2001–2013. – Mode of access: http://www.etymonline.com. – Date of access: 20.12.2015.
9. Oxford English Dictionary [Electronic resource]/ ed. by L. Brown (ed.-in-chief) [and others]. – Electronic data and programme (645 Mb). – 4th ed. – New York: Oxford University Press, 2007. – 1 CD-ROM
10. Супрун, А.Е. Структура плана содержания. Лексикология / А.Е. Супрун // Общее языкознание / А.Е. Супрун, под общ. ред. А.Е. Супрун [и др.]. – Минск: Вышейшая школа, 1995. – 2-е изд. – 335 с.
11. Категория количества в современных европейских языках / [В.В. Акуленко, С.А. Швачко, Е.И. Букреева и др.; АН УССР, каф. иностр. яз.; отв. ред. В.В. Акуленко]. – Киев: Наук. думка, 1990. – 283 с.

ПОЛОЦКИЕ ПАМЯТНИКИ ПИСЬМЕННОСТИ В СИСТЕМЕ БЕЛОРУССКОЙ ЭТНОЛОГИИ (ГРАМОТА 1330 ГОДА)

Л.М. Вардомацкий
Витебск, ВГУ имени П.М Машерова

К сожалению, во второй половине XX века научное внимание к проблемам истории языка значительно ослабло. После фундаментальных работ Ф.П. Филина, Г.А. Хабургаева, В.В. Иванова, В.В. Колесова и многих других историков-лингвистов в русском языкознании, В.В. Аниченко, А.И. Журавского, А.А. Кривицкого, А.М. Булыко, Ф.М. Янковского, М.Г. Булахова и ряда других белорусских языковедов советское языкознание в основном утратило интерес к изысканиям в области истории языка. Между тем новые исторические реалии требуют нового исторического осмысления письменных документов эпохи начала формирования восточнославянских народностей, что даст возможность более объективно рассмотреть социальные и языковые процессы в рамках белорусской исторической этнологии.

Цель настоящей работы – рассмотреть некоторые языковые особенности одного из древнерусских (древнебелорусских?) памятников письменности с точки зрения отражения в нем новой языковой ситуации на территории восточной части нынешней Витебской области Республики Беларусь.

Актуальность обращения к проблеме объясняется в том числе и известными общественно-политическими изменениями последних десятилетий, повлекших за собой попытки заинтересованных интерпретаций не только новой, но и древней истории восточнославянских народов. Это, в свою очередь, влечет за собой необходимость пересмотра некоторых укоренившихся в общественном сознании хрестоматийных понятий истории формирования белорусского языка.

Репозиторий ВГУ